

В тот миг, когда он услышал этот голос — или, вернее, эту «реплику», — Шэнь Цинчи встрепенулся.

Хотя он стоял спиной к дверям и не видел вошедшего, по обрывкам фраз он сразу узнал говорящего.

Шэнь Фан.

Младший брат отца, дядя, не состоящий в кровном родстве с прежним владельцем тела, а по совместительству — главный злодей романа.

Конечно, это «злодейство» было лишь относительным, если смотреть на него глазами Чжоу Ванъяня. Для самого же Шэнь Цинчи всё, что делал Шэнь Фан, было похоже на восстановление справедливости. Если в этой книге и был персонаж, вызывающий у него симпатию, то, помимо фальшивого наследника «Шэнь Цинчи», им был только этот злодей Шэнь Фан.

Сам Шэнь Фан казался человеком легкомысленным, распутным, этаким великовозрастным повесой, который ничего не смыслит, кроме развлечений, и совершенно не интересуется борьбой за семейное наследство. Но на самом деле всё это было лишь искусно созданной маской.

Настоящий Шэнь Фан долгие годы копил силы, скрывая свои истинные намерения. Он не действовал без необходимости, но, когда решался нанести удар, переворачивал весь клан Шэнь вверх дном. Он отличался решительностью и жестокостью: отправил супругов Шэнь в тюрьму, а огромное состояние семьи прибрал к своим рукам.

Когда Шэнь Цинчи читал об этом в романе, он пришел в восторг, но дальнейшее развитие сюжета его разочаровало. Чтобы подчеркнуть крутость главного героя Чжоу Ванъяня, автор принудительно «отупил» Шэнь Фана: заставил его из-за глупой сентиментальности — мол, племянник же — шагнуть в очевидную ловушку и погибнуть от руки этого самого «родственника».

Что за бред!

Шэнь Фан отправил родного брата в тюрьму, даже не моргнув глазом, — стал бы он пекься о каких-то там родственных чувствах?

К тому же, погибнуть от банального удара ножом.

А, точно, он чуть не забыл: главный герой Чжоу Ванъянь, законченный негодяй, не только держал «Шэнь Цинчи» в заточении, издевался над ним и выдал себя за него, чтобы поступить в университет, но и имел на руках кровь собственного дяди.

Видя, как Шэнь Фан умирает от ножа Чжоу Ванъяня, Шэнь Цинчи был вне себя от ярости. Вероятно, автор сделал Шэнь Фана слишком сильным и, не зная, как с ним справиться, просто «вывел его из игры», заставив главного героя использовать самый глупый из возможных способов — «заколоть».

Ещё более абсурдным было то, что в комментариях под этой главой никто не возмутился сюжетной дырой — все лишь ликовали: «Так ему и надо!».

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что те, кто не разделял всеобщего восторга, были такими же, как он — их комментарии удаляли, а самих отправляли в бан.

Возможно, потому что Шэнь Фан в своё время проучил приемных родителей прежнего владельца тела, а возможно, потому что его смерть была такой нелепой и несправедливой — в любом случае Шэнь Цинчи проникся к этому персонажу симпатией. Как только тот появился, Шэнь Цинчи принял решение.

Тот самый низкий, ленивый голос снова раздался в тишине:

— Думаю, брат, ты пригласил меня на этот банкет не для того, чтобы показывать, как вы здесь ссоритесь?

— А, Сяо Фан, ну что ты... ты не так понял, — мать Шэнь наконец сменила ядовитый тон на заискивающую улыбку. — Цинчи просто случайно...

— Мама не хотела меня толкать, — негромко произнес Шэнь Цинчи. Его ясный юношеский голос прозвучал отчетливо. Он сам поднялся с пола, кончиками пальцев смахнул с уголка глаза одну-единственную незаметную слезинку.

На лице матери Шэнь промелькнуло смущение.

— Это я был непослушным, всегда выводил её из себя, — продолжил Шэнь Цинчи, опуская голову. В его голосе послышались нотки рыдания. — У меня узкое сердце, я завидовал брату Ванъяню, вот и не позвал его, заставил дядю смотреть на этот позор.

Он повернулся к Чжоу Ванъяню:

— Брат Ванъянь, прости. Я не должен был вести себя так холодно. Надеюсь, ты простишь мою невоспитанность. И... добро пожаловать домой.

Чжоу Ванъянь хмыкнул, и на его красивом, но совершенно не похожем на лицо Шэнь Цинчи лице отразилась нескрываемая насмешка.

— ...Ну что ты, Цинчи, разве всё так серьезно, как ты говоришь? — заулыбался отец Шэнь. — Вы же дети, мелкие размолвки — это нормально. В доме появился новый человек, вот Цинчи и не привык. Ничего страшного, Цинчи. Пообщаешься с братом Ванъянем пару дней, и всё наладится. Ты ведь старший брат, будь снисходительнее, хорошо?

Шэнь Цинчи послушно кивнул.

Шэнь Фан стоял в стороне, скрестив руки на груди, и с интересом наблюдал за этим фарсом. Его взгляд скользнул по лицу Шэнь Цинчи: изящный, красивый юноша с покрасневшими уголками глаз, в которых всё ещё блестели слезы, казался маленьким обиженным кроликом.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Шэнь Цинчи тоже обернулся и робко посмотрел на него.

Всё было... точно так, как в романе!

Шэнь Фан выглядел моложе своих лет, но в его облике читалась зрелая мужская привлекательность. Уголки губ вечно были чуть приподняты в полуулыбке. Когда он смотрел на людей своим беспечным взглядом, в нем чувствовалась отстраненная лень.

Однако шрам на надбровной дуге левого глаза разрушал эту безмятежность: тонкая полоска,

идущая от изгиба брови к самому виску. Пока он улыбался, это было незаметно, но стоило улыбке исчезнуть, как в его лице проступала не допускающая возражений холодная суровость.

Шэнь Цинчи помнил описание из книги: Шэнь Фан подобен острому клинку, спрятанному в ножны. Никто не знает, когда этот клинок обнажится, но ясно одно: если он выйдет из ножен, обязательно прольется кровь.

В этот короткий миг он ощутил, как этот человек внимательно его изучает.

Шэнь Цинчи отвел взгляд.

— Ну что, раз все в сборе, давайте к столу? — отец Шэнь, Шэнь Цзин, широко улыбаясь, похлопал брата по плечу, заводя светскую беседу. — Сяо Фан, ты ведь давненько не заглядывал. Сегодня непременно составишь мне компанию, выпьем как следует.

Они ушли вперед. Мать Шэнь, Чжу Чжэнцзюань, шла рядом со своим родным сыном Чжоу Ванъянем. Шэнь Цинчи остался позади, в полном одиночестве.

Казалось, только что разыгравшаяся сцена завершена, но Шэнь Цинчи, прекрасно помнивший оригинал, знал: всё только начинается.

Этот праздничный ужин был «последней трапезой», решившей судьбу прежнего владельца тела.

Он должен сбежать из клана Шэнь сегодня ночью, и время после окончания банкета — лучший шанс.

Они вошли в банкетный зал. Хотя Шэнь Цинчи знал, что семья Шэнь — богачи, он всё равно был поражен, увидев убранство, в точности соответствующее описанию из книги.

Обеденный стол был рассчитан на шестнадцать человек. Неизвестно, насколько это было удобно, но выглядело внушительно.

Шэнь Цзин предложил Шэнь Фану сесть первым. Шэнь Цинчи вспомнил: в книге мать Шэнь усадила героя рядом с Чжоу Ванъянем, и именно из-за близости тот обратил на него внимание.

Поэтому, не дожидаясь, пока Чжу Чжэнцзюань что-то скажет, он решительно отодвинул стул и сел по правую руку от Шэнь Фана.

Все расселись, и теперь они с Чжоу Ванъянем оказались по диагонали — дальше друг от друга быть не могло.

У Чжу Чжэнцзюань застряли слова в горле, она была в ярости.

Шэнь Цинчи почувствовал на себе взгляды остальных, Шэнь Цзин тоже нахмурился, но прежде чем отец успел что-то сказать, Шэнь Фан перебил его:

— Что такое, Цинчи хочет составить дяде компанию за вином?

Он слегка наклонился к Шэнь Цинчи, и его низкий голос прозвучал совсем близко.

Шэнь Цинчи, будто боясь смотреть ему в глаза, робко ответил:

— Угу.

Шэнь Фан приподнял бровь и повернулся к Шэнь Цзину:

— Брат, твой сын довольно смысленый. Знает, что в доме гость, и нужно составить ему компанию. По-моему, всё не так драматично, как говорила невестка. Цинчи ведь «тоже» ещё ребенок, пусть ведет себя как хочет, не стоит давить на него слишком сильно.

Он сделал особый акцент на слове «тоже», отчего лицо Чжу Чжэнцзюань стало бледным, как полотно.

В возникшей странной атмосфере Шэнь Цинчи не удержался и снова взглянул на Шэнь Фана.

Неизвестно, намеренно или случайно, но Шэнь Фан, похоже, защитил его.

В оригинале этого не было. Хотя, входя в дом, Шэнь Фан произнес ту же фразу про «обиду детей», прежний владелец тела промолчал, и за столом дядя его уже не защищал.

Возможно, стоило ему немного изменить слова, как сюжет начал понемногу отклоняться от курса.

Это воодушевило Шэнь Цинчи. Он задержал взгляд на Шэнь Фане и вдруг уловил тонкий, прохладный и горьковатый запах лекарств.

В то же время Шэнь Фан незаметно переложил палочки с правой руки на левую.

На нем был темно-серый пиджак, который он повесил на вешалку при входе, а сейчас остался в черной рубашке. Верхние пуговицы были расстегнуты, открывая четко очерченные ключицы и красивые, мощные мышцы.

Когда он двигался, рукав рубашки немного задирался, обнажая бинт.

Шэнь Цинчи сразу понял, откуда запах.

В книге описывалось, что Шэнь Фан — младший брат Шэнь Цзина и единственный, кто выжил, когда остальные пали жертвами внутренних разборок. Выжил он лишь потому, что годы назад, когда Шэнь Цзина пытались убить враги, он закрыл его собой и получил тяжелое ранение правой руки. С тех пор в сырую и дождливую погоду рука начинала нестерпимо болеть, и ему приходилось принимать обезболивающее.

А на сегодняшний вечер как раз обещали сильный дождь.

В том инциденте Шэнь Фан не только получил травму руки, но и шрам на лице. Зато он завоевал доверие Шэнь Цзина, и теперь его влияние в клане уступало лишь влиянию самого главы семьи. Даже мать Шэнь, Чжу Чжэнцзюань, приходилось считаться с этим деверем.

Шэнь Цинчи был слаб. Справиться в одиночку с Чжоу Ванъянем и улыбающимся тигром Шэнь Цзином было невозможно, но если заручиться поддержкой Шэнь Фана...

Пока Шэнь Цинчи выстраивал планы, он снова услышал голос «тигра»:

— Сяо Фан, ты попал в точку. Твоя невестка во всем хороша, только вот слишком строга к детям. Я знаю, что она хочет как лучше, хочет сделать их лучше, это правильно, но иногда она

чересчур стремится сделать из них великих людей, перегибает палку.

От этих слов у Шэнь Цинчи к горлу подступила тошнота. Эта парочка умела вызывать отвращение в самых разных проявлениях.

— Ладно, не будем о грустном, — улыбающийся тигр поднял бокал. — Сегодня день возвращения Ванъяня домой. Отныне в нашей семье станет на одного человека больше. Ванъянь, Цинчи, вы теперь братья, помогайте друг другу, общайтесь больше, не будьте как чужие люди. Что ладонь, что тыльная сторона руки — всё плоть, поэтому если что нужно, говорите отцу, не стесняйтесь, слышите?

Шэнь Цинчи послушно кивнул.

Чжоу Ванъянь встал и поднял бокал:

— Прошу, брат Сяо Чи, за тебя.

Шэнь Цзин расплылся в улыбке:

— Вот, так-то лучше.

Шэнь Цинчи был вынужден встать, чтобы чокнуться. У Чжоу Ванъяня в бокале была газировка, а у него — вино.

Он сделал крошечный глоток и чуть не закашлялся от жгучего алкоголя, но сдержался. А Чжоу Ванъянь произнес:

— Я слышал, брат Сяо Чи поступил в Цинчжоуский университет?

Шэнь Цинчи замер.

Началось. Сюжет романа!

Он тихо ответил:

— Угу.

Чжоу Ванъянь добавил:

— Я тоже хочу стать студентом твоего университета.

Шэнь Цинчи: «...»

Серьезно? Даже находясь так далеко от него, он всё ещё хочет приставать?

Этот тип, Чжоу, что, одержим?

Он помнил, как это было в книге: [Чжоу Ванъянь, глядя на покорного, послушного юношу, похожего на белого мягкого кролика, которого так легко обидеть, сразу задумал недоброе и с усмешкой сказал: «Хочу стать твоим сокурсником»].

А прежний владелец тела честно ответил: «Но проходной балл в Цинский университет — 680».

Именно эта фраза стала началом его кошмара. Именно из-за неё Чжоу Ванъянь действительно

«поступил» в университет, только не своим умом, а заняв место Шэнь Цинчи.

На самом деле, замечание было верным: Чжоу Ванъянь ни за что бы не поступил. Он был бездельником, который даже школу не закончил: в десятом классе его отчислили за постоянные прогулы и пьянки с сомнительными личностями.

Но кто же пойдет против главного героя?

Тот, кто посмел усомниться в герое, обречен стать пушечным мясом.

Шэнь Цинчи посмотрел на недоброжелательного Чжоу Ванъяня, внезапно улыбнулся, показав маленькие клыки, и искренне ответил:

— Хорошо!

Чжоу Ванъянь опешил.

Шэнь Цзин тут же подхватил:

— Точно, точно! Ванъянь в следующем году сдает экзамены, да? Постарайся, догонишь брата и поступишь в Цинский.

Шэнь Цинчи кивнул и поддакнул:

— У брата Ванъяня обязательно получится.

Такая реакция застала Чжоу Ванъяня врасплох, его лицо приняло странное выражение:

— Ты правда думаешь, что я смогу поступить?

— Конечно, — уверенно ответил Шэнь Цинчи, глядя на него кроткими, невинными глазами. — Ведь брат Ванъянь — родной сын мамы и папы, он наверняка унаследовал их превосходные гены. Это я бестолковый, учился днями и ночами, чтобы набрать жалкие баллы выше проходного. А брат Ванъянь точно справится без труда.

Слова юноши прозвучали весомо, атмосфера за столом стала неловкой.

Никто не рискнул ему возразить: если Чжоу Ванъянь начнет спорить, значит, признает, что он тупой, а если родители — значит, признают, что у них самих нет «превосходных генов».

Шэнь Цзин дернулся, Чжу Чжэнцзюань потемнела, а Шэнь Цинчи, словно заметив, что что-то не так, переводил взгляд с одного на другого и нервно спросил:

— Я... я что-то не то сказал?

В наступившей тишине раздался только громкий смех Шэнь Фана, который чуть не свалился со стула от хохота.

Шэнь Цинчи заерзал на месте, с видом полной растерянности и обиды тихо пробормотал:

— Дядя, зачем вы смеетесь... Я серьезно.

Шэнь Фан с трудом перестал смеяться и поднял свой бокал:

— Давай, выпей с дядей.

Шэнь Цинчи чокнулся с ним, и Шэнь Цзин поспешил разрядить обстановку:

— А, да, пейте, пейте.

После слов Шэнь Цинчи Чжоу Ванъянь до конца вечера не проронил ни слова. Но его взгляд, прикованный к нему, красноречиво обещал: «Ну, ты у меня дождешься».

Шэнь Цинчи подумал: пусть ждет, дурак. Сегодня ночью он сбежит, и плевать на Чжоу Ванъяня, плевать на приемных родителей, пусть катятся к черту!

Вставая из-за стола, он немного пошатнулся, голова кружилась, а взгляд стал рассеянным, будто он перепил.

Горничная проводила его в комнату. Как только она вышла, он резко открыл глаза, соскочил с кровати и запер дверь на замок.

Забежав в ванную, он плеснул на лицо ледяной водой, чтобы развеять хмель и прояснить сознание. Подняв голову, он посмотрел на себя в зеркало.

Лицо прежнего владельца было похоже на его собственное на восемьдесят процентов. Те оставшиеся двадцать делали его более чистым и покорным, чем было у него самого — таким, которым легко управлять.

Умывшись, Шэнь Цинчи начал быстро собирать вещи. Много брать не стоило, поэтому он не стал трогать чемодан, а взял лишь большой рюкзак. Закинул туда сменную одежду, зарядку для телефона, ноутбук и самое необходимое.

Только он подумал, что ещё захватить, как за дверью раздался шум. Кто-то с силой дернул за ручку, но дверь не поддавалась. Человек снаружи нетерпеливо цыкнул.

Шэнь Цинчи решительно выключил единственную горящую лампу, погрузив комнату во тьму.

Согласно оригиналу, «Шэнь Цинчи» сидел за столом рядом с Чжоу Ванъянем, поэтому тот напоил его вином. После банкета, когда горничная отвела его в комнату, Чжоу Ванъянь прокрался следом, убедился, что тот без сознания, и попытался им воспользоваться.

Автор тогда уделил целую страницу пошлым описаниям: «белоснежная кожа», «гладкие голени», «алые губы», «соблазнительный плод», «мягкого кролика будет приятно тискать» и так далее. У Шэнь Цинчи от этих строк мурашки пошли по коже.

Читатели в комментариях восторженно кричали: «Как эротично!», «Давай, возьми его!». Никто даже не осознал, что Чжоу Ванъянь совершает преступление.

О, конечно, для Чжоу Ванъяня, собравшего в себе все возможные пороки, это «мелочи».

В конце концов, Шэнь Фан, собиравшийся уходить, заметил неладное и своим присутствием заставил негодяя отступить.

□Шэнь Фан стоял в дверях, его силуэт выделялся на фоне света. На лице не было ни тени улыбки, а уродливый шрам делал его взгляд пугающе свирепым. Чжоу Ванъянь мгновенно понял, что этот мужчина, на первый взгляд не представляющий угрозы, может стать его главным препятствием.□

Эта ночь стала началом кошмара для «Шэнь Цинчи» и началом вражды между Чжоу Ванъянем и Шэнь Фаном.

Чжоу Ванъянь раздраженно дернул ручку ещё пару раз и, убедившись, что дверь закрыта, ушел.

Шаги затихли. Шэнь Цинчи на цыпочках подошел к двери, приложил ухо к дереву и долго слушал. Убедившись, что снаружи никого нет, он осторожно приоткрыл дверь и выглянул.

Ночь была глубокой. Шэнь Фан уже уехал, все, кто пил вино, разошлись по комнатам, даже горничная уснула.

Шэнь Цинчи решительно переоделся, закинул рюкзак на плечи и, стараясь ступать бесшумно, выбежал из комнаты. Добравшись до прихожей, он открыл дверь и бросился в густую ночную тьму.

<http://bllate.org/book/21917/2277166>